

— Я... — Шэнь Цинсянь открыл рот, но не нашёл слов.

Он поднял голову на знаменитого молодого генерала, от одного имени которого содрогался двор, и сердце бешено заколотилось.

У мужчины были прямые брови, яркие глаза, высокий нос и плотно сжатые тонкие губы. Здоровый пшеничный оттенок кожи только подчёркивал его мужественность.

Особенно поражали глаза — глубокие как тёмный пруд, будто способные видеть людей насквозь.

Но это вовсе не означало, что Шэнь Цинсянь готов был за него выйти! Просто удар оказался слишком сильным, и он ещё не успевал соображать.

— Генерал! — Шэнь Минсюань резко вскочил. — Это... это слишком внезапно. Не могли бы вы дать нам несколько дней подумать?

Сяо И вынул из-за пазухи нефритовую подвеску и положил на стол.

— Это помолвочный дар. Через несколько дней я приеду за ним.

Сказав это, он больше не стал ничего объяснять и повернулся к выходу. Уже у двери вдруг остановился, обернулся на Шэнь Цинсяня, и на губах мелькнула почти незаметная улыбка:

— Запомни. Меня зовут Сяо И.

Едва Сяо И исчез за дверью, усадьба Шэнь взорвалась шумом.

— Отец! Я не выйду за него! — первым вскочил Шэнь Цинсянь. — Он мужчина! Я тоже мужчина! Да что это вообще такое?!

Шэнь Минсюань тяжело вздохнул:

— Но он Чжэньбэй-хоу! Мы, Шэни, пусть и императорские купцы, всё равно остаёмся торговым домом. Разве можем мы позволить себе оскорбить такого человека?

— Но...

— Никаких «но». Раз генерал Сяо это сказал, дороги назад уже нет. Цинсянь, ради семьи Шэнь тебе придётся... придётся немного потерпеть.

Шэнь Цинсянь застыл, глядя, как отец понуро уходит, и почувствовал, будто весь мир закружился.

В душе он завыл: «Сяо И, ну погоди у меня!»

А потом бессильно повалился на табурет, с видом человека, которому больше незачем жить.

Хотя что толку от этого «ну погоди»? Он что, сильнее Сяо И? Тот сам пришёл к ним домой и загнал его в угол.

Той ночью Сяо И стоял в кабинете генеральской резиденции и смотрел на карту северной границы. Лицо его было серьёзным.

Чжао Цин стоял позади и явно хотел что-то спросить.

— Говори, если есть что сказать, — не оборачиваясь, произнёс Сяо И.

— Генерал, почему вы вдруг решили жениться на молодом господине Шэне? Даже если вы... предпочитаете мужчин, при вашем положении можно было выбрать сына знатного рода.

Сяо И повернулся, и в его глазах мелькнуло бессилие.

— Вдовствующая императрица слишком давит. Если я ещё немного потяну со свадьбой, она всучит мне племянницу из своего рода. Девица избалованная и властная. Возьму её — в доме никогда не будет покоя.

— Но можно выбрать кого-нибудь другого. Почему именно Шэнь Цинсянь?

С тех пор как вдовствующая императрица стала торопить его с браком, генерал понемногу распустил слух, что предпочитает мужчин, и в столице об этом знали многие. Чжао Цин никак не понимал другого: вокруг хватало молодых аристократов, которые сами искали близости с генералом. Хотя бы сын министра церемоний — чем не готовый кандидат?

А он выбрал семью без власти и влияния и ещё лично отправился свататься.

Да, Шэни были императорскими купцами и формально имели седьмой ранг, но этот ранг был почти одним названием.

Сяо И подошёл к окну и посмотрел на луну. Перед глазами возникли ясные персиковые глаза.

— Шэни — императорские купцы, богатые как государство, но почти не связаны с придворными группировками. Женившись на Шэнь Цинсяне, я не усилю ни одну сторону и одновременно закрою вопрос вдовствующей императрицы. — Он сделал паузу, голос стал чуть ниже. — К тому же... его лицо меня не раздражает.

И тут он вспомнил того мальчика. Тогда ему было всего тринадцать, фигура ещё не успела окончательно вытянуться, но уже угадывалась будущая красота, способная поразить весь мир. Это была не ослепительная красота, давящая на окружающих, а что-то вроде весеннего ветра или звезды в летней ночи — чистое, мягкое, спокойное. На него хотелось смотреть ещё и ещё, а дышать — осторожнее, чтобы не спугнуть эту прозрачную юность.

Лепесток упал ему на плечо. Мальчик поднял взгляд — длинные ресницы, похожие на крылья бабочки, чуть дрогнули и отбросили на кожу лёгкую тень, ещё невесомее падающего грушевого лепестка.

Чжао Цин кивнул, будто понял. Вот оно что. И правда красив. Такое лицо и во всей столице едва ли найдёшь второе.

Через три дня весть о том, что Чжэньбэй-хоу Сяо И берёт в супруги сына императорского купца Шэнь Цинсяня, разнеслась по всей столице и потрясла страну.

В заднем дворе усадьбы Шэнь, в покоях Шэнь Цинсяня «Бамбуковый замысел», царил разгром.

Дорогой набор голубого фарфора разбился вдребезги, несколько ценных старинных свитков были разорваны пополам, даже тяжёлый письменный стол из красного сандала валялся опрокинутым.

Шэнь Цинсянь стоял посреди комнаты, тяжело дыша. От ярости его персиковые глаза сияли особенно ярко.

— Я не выйду за него! Даже если умру, не выйду!

Шэнь Минсюань стоял в дверях, глядя на разрушения с болью в сердце.

— Ах ты мой маленький предок! Да эти вещи стоят целое состояние!

— Вещи? Отец, вы родного сына продать собираетесь, а переживаете из-за мёртвых вещей? — Шэнь Цинсянь холодно усмехнулся и схватил белонефритовую чашу для промывания кистей.

— Положи! Немедленно положи! — Шэнь Минсюань затопал от тревоги. — Решил отца до

смерти довести?!

— А вот и доведу! Всё равно вам до моей жизни нет дела! — Шэнь Цинсянь замахнулся чашей.

— Стой! — из-за двери раздался строгий голос.

Шэнь Цинсянь замер. Увидев вошедшую мать, госпожу Ван, он сразу сдвинулся на треть, хотя чашу продолжал крепко держать.

Госпоже Ван было около сорока. Она всё ещё была красива, а чертами лица на семь десятых напоминала сына. Она спокойно оглядела разгром.

— Уже всё разбил?

Шэнь Цинсянь поджал губы и промолчал.

— Если не всё, мать велит принести ещё. В кладовой есть набор императорского фарфора прошлой династии. Всё берегли, жалко было пользоваться — как раз хватит тебе выпустить злость.

Шэнь Цинсянь растерялся и медленно опустил чашу.

— Матушка, и вы тоже...

Госпожа Ван подошла и нежно провела по щеке сына.

— Сянь-эр, мать знает, что ты не хочешь. Но этот брак уже не тот, от которого наша семья способна отказаться.

— Почему? Как бы ни был велик Сяо И, неужели он может среди бела дня похищать мужчин?
— не сдавался Шэнь Цинсянь.

— В обычной свадьбе, конечно, нет. — Госпожа Ван вздохнула. — Но знаешь ли ты, что вчера Его Величество уже распорядился даровать вам брак?

Шэнь Цинсяня словно ударило молнией. Он пошатнулся и отступил на два шага.

— Ч-что?

Шэнь Минсюань выглядел не менее потрясённым.

— Жена, когда это случилось? Почему я ничего не знаю?

— Только что из дворца передали устный указ. Официальный императорский эдикт придёт завтра. — Госпожа Ван достала из рукава золотой жетон. — А это жетон Жуи от вдовствующей императрицы. Сказали, свадебный подарок Сянь-эру.

Шэнь Цинсянь уставился на ослепительно золотой жетон, и от одного его блеска стало неприятно.

— Вдовствующая императрица... даже она... — пробормотал он и наконец понял, насколько всё серьёзно.

Госпожа Ван взяла сына за руку.

— Сянь-эр, у генерала Сяо репутация несколько... необычная, но он всё-таки опора государства, человек достойный. Выйти за него лучше, чем попасть в знатный дом, где все только и делают, что строят друг другу козни.

— Но он мужчина! — Шэнь Цинсянь чуть не расплакался. — Мужчина с женщиной... как... как вообще...

Госпожа Ван кашлянула, слегка покраснев.

— Э-э... это... потом поймёшь.

Шэнь Цинсянь расширил глаза, не веря собственным ушам.

Он всем видом показывал: понимать он не хочет.

<http://bllate.org/book/24404/2973607>